

ХРОНИКА
ЖЕСТОКОСТИ

НАЦУО
КИРИНО

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«АУТ», «ГРОТЕСК», «ХРОНИКИ
БОГИНИ», СЮЖЕТ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ
АЛЛЮЗИИ НА «КОЛЛЕКЦИОНЕРА»,
ФАУЛЗА И «БУРЮ» ШЕКСПИРА

<http://www.kirino-natsuo.com>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Нацуо Кирино
Хроника жестокости
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8230716
Кирино, Нацуо. Хроника жестокости: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68937-8*

Аннотация

Нацуо Кирино переосмысливает весьма распространенный в мировой литературе сюжет – историю отношений мучителя и жертвы. «Хроника жестокости» – аллюзия прежде всего на «Коллекционера» Фаулза и – далее – на «Бурю» Шекспира и миф об Аиде и Персефоне.

Наруми Коуми – известная писательница. Давно, четверть века назад, она пережила трагедию, которая сломала ее собственную жизнь и жизнь ее близких, – ее похитили, и целый год она провела в заточении. Она пытается забыть эту историю, но изо дня в день прокручивает ее в голове. Сомнения в том, что не все так однозначно, как может показаться, не дают ей покоя. А тут еще приходит письмо от похитителя – он пишет, что не простил ее. Чем же она, жертва, виновата перед своим мучителем?

Содержание

Наруми Коуми	6
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Нацуо Кирино

Хроника жестокости

Natsuo Kirino

What Remains (Zangyakuki)

© Natsuo Kirino 2004

© Логачев С., перевод с японского, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

*Издательство «Бунтёся»,
отдел публикаций,
литературная редакция,
г-ну Ёсиюки Яхаги*

Уважаемый господин Яхаги!

Позвольте выразить Вам глубокое уважение и пожелать добра и благополучия.

Прошу извинить за беспокойство, которое доставляю Вам этим письмом. Я муж Кэйко Убукаты, «Наруми Коуми». Благодарю Вас за поддержку, которую Вы постоянно оказываете моей супруге.

Очень сожалею, что приходится к Вам обращаться. Прежде всего, прошу не удивляться тому, что я собираюсь сообщить.

Дело в том, что моя супруга пропала и отсутствует уже две недели. Вроде вышла погулять и исчезла. От нее нет никаких известий, и было бы неправдой сказать, что я за нее не переживаю. Впрочем, моя супруга – женщина эксцентричная, я искренне надеюсь, что когда-нибудь она вернется, и буду ждать ее, сколько потребуется. К счастью, похоже, она отказалась от предложения одного журнала – редакция хотела, чтобы она писала им что-то с продолжением в каждый номер. Меня это утешает, иначе мы подвели бы многих людей.

«Хронику жестокости» – распечатанный на принтере текст, который прилагается к моему письму, – я обнаружил на столе супруги. Сбоку от заглавия была приклеена записка: «Переслать в издательство «Бунтёся», господину Яхаги». Вот я и подумал: вдруг Вы как раз ждете эту рукопись. Кроме этой записки она больше ничего не оставила. Я понятия не имею, что случилось с женой. Может быть, ее исчезновение как-то связано с содержанием этой рукописи.

Сказать по правде, какое-то время я сомневался, надо ли Вам ее пересылать. Тому есть три причины: я не знаю, действительно ли она хотела ее Вам отправить; извините, конечно, но я боялся, что через Вас об исчезновении моей супруги станет известно окружающим; и еще меня смущало, что я никого не знаю в издательских кругах, и теперь некоторые факты станут достоянием гласности. То, что в этой рукописи, – произошло на самом деле. Вот что я имел в виду, написав, чтобы Вы не удивлялись.

Мою супругу, в девичестве – Кэйко Китамуру, похитили, когда ей было десять лет. Похититель держал ее взаперти больше года, пока его не арестовали. Кэйко освободили невредимой, дело закрыли. Потом она перешла в среднюю школу, сменила место жительства, поэтому в нашей округе никто не знает, что писательница Наруми Коуми пережила такое. Насколько я знаю, супруга никому не рассказывала о том случае. В ее первой книге – «В грязи» – описывается одно происшествие, однако там сюжет строится вокруг обнаруженного трупа. Был такой реальный случай, который произошел до похищения Кэйко.

Правда, мне помнится, тогда о ее книге писали, что сюжет «вызывает ассоциации с похищением ребенка несколько лет назад». Еще помню, супруга говорила, что Вы, как редак-

тор ее литературного дебюта, искренне удивлялись и спрашивали ее: «Впечатление такое, будто это писала не школьница, а взрослый человек. Что же такое вы пережили?» С тех пор прошло семнадцать лет, и все это время Вы, господин Яхаги, были куратором моей супруги. Я не знаю, насколько откровенны вы были при общении. Может быть, она Вам что-то говорила о том случае?

Завесу молчания, которой моя супруга окружила эту историю, нарушило одно-единственное письмо. Она получила его от того самого преступника, который, искупая свою вину, отсидел двадцать два года в тюрьме. Я только что прочитал «Хронику жестокости», но мне остается непонятным, повлияло ли как-то это письмо на мою супругу. Возможно, оно разбудило в ней воспоминания о том случае, и ее исчезновение как-то связано с этим. Не знаю. Однако мысль о том, что тяжелый эпизод из ее жизни, о котором она должна была забыть и не вспоминать, мог снова ожить в ее памяти, вызывает у меня боль и жалость. Я, ее муж, не в состоянии ничего сделать, бессилие опустошает, но я все равно буду ждать Кэйко.

Письмо этого человека помещено в самом начале «Хроники жестокости». Я считаю его частью оставленного супругой текста и поэтому посылаю все в таком виде. Не хочется думать, что с моей супругой что-то случилось, но если это так, я хотел бы обсудить с Вами судьбу рукописи, поэтому направляю ее Вам. Позже свяжусь с Вами по телефону.

С уважением,

Дзюнро Убуката

Наруми Коуми Хроника жестокости

Уважаемая Наруми Коуми-сэнсэй!

Извините, что к вам обращаюсь. Ни с того ни с сего.

Имя на конверте не настоящее. Я подумал: напишу настоящее – ни за что читать не станете. Прошу прощения, что соврал. Это в последний раз.

Вы, наверное, очень удивились моему письму. Харада-сэнсэй, который за мной смотрит, строго приказал, чтобы я ни за что не писал пострадавшей, а то меня опять посадят в тюрьму, но мне так хотелось написать. Вот и написал. Пожалуйста, не выбрасывайте, прочитайте до конца. Очень прошу.

В прошлом году меня выпустили из тюрьмы. Я сидел в городе Сэндай. Если не считать предварительное заключение, просидел двадцать два года, восемь месяцев и двенадцать дней. Очень долго, так что я даже перестал дни считать. Но Харада-сэнсэй точно сказал, сколько прошло.

В тюрьме я все думал вам написать, брал много книг из библиотеки, читал, учился, но мало чего запомнил. Имею в виду, как писать иероглифы и слова. Надзиратели и «старики», с которыми я сидел, говорили, что я тупой. Вот я толком писать и не научился. В тюрьме мне здорово доставалось, с работой тоже ничего не получалось, я то и дело попадал в тюремную больничку. Из-за этого и дни считать разучился.

Сейчас работаю уборщиком в больнице, куда меня устроил Харада-сэнсэй. Там всем распоряжается один человек, его зовут Кимура, я его так же боюсь, как надзирателей. Он приказал, чтобы я звал его Кимура-сэнсэй. Он все время сердится и шпыняет меня, зато я могу выходить во двор, и здесь все равно не так плохо, как в тюрьме. Зимой много снега и очень холодно, и все-таки снег не такой холодный, как бетон. Живу рядом с больницей, в общежитии, есть хожу в больничную столовую. В столовой работает Кумагаи-сан. Она очень добрая, я ее люблю за это. Недавно она угостила меня пудингом. Меня одного, больше никого. Когда я спросил, почему она дала мне пудинг, она сказала: «У тебя же день рождения. Пятьдесят лет». Кумагаи-сан очень хорошая.

Моя работа – убирать двор и склад за зданием больницы. На складе я работаю в маске. Там страшиновато – говорят, когда выбрасываешь шприцы, можно уколоться иголкой. Надо осторожно. Я, конечно, надеваю перчатки, но шприц может и через перчатку проколоть. Я сказал Кимуре-сэнсэю, а он: «Тебе б железные руки приделать, тогда никакая иголка не возьмет». Я сразу представил металлический цех, где раньше работал, и вдруг заплакал. Почему? Наверное, потому что вспомнил про вас. Вам неприятно? Хорошо, не буду, хотя хотелось бы и про это написать.

Наступило время сухих листьев. Сколько их ни убирай, на следующий день опять полно на том же самом месте. Как странно... Здесь, как и раньше в тюрьме, я начинаю путать дни. Что было вчера, что позавчера, что позапозавчера, что еще раньше?.. Вдобавок солнце сейчас заходит рано, быстро темнеет, и становится грустно и тоскливо. И зимой, когда выпадает снег и все вокруг одинаковое, я тоже дни не различаю.

Все собирался написать вам письмо, но как-то не получалось. И все-таки написал. Потому что увидел вашу фотографию. Кимура-сэнсэй ел бэнто и читал газету, и я в ней увидел вас. Я ваше лицо ни за что не забуду, сколько лет ни пройди. Сердце у меня так и заколотилось, и я спросил у Кимуры-сэнсэя: «Это кто?» Он засмеялся: «Это Наруми Коуми, очень известная романистка. Тебе-то что за дело?» И бросил газету в мусорное ведро, а сверху выплеснул чайную заварку, промочил газету, но я потом ее расправил и высушил.

Вас зовут по-другому, не так, как раньше. Странно как-то. Была Миттян, а теперь Наруми Коуми? А романистка – это кто пишет романы, да? Вообще-то мне это дело не очень нравится. Потому что я ни одного романа не читал. В тюрьме как-то взял один попробовать, но так и не понял, про что там написано. Я спросил у одного «старика»: «Почему я ничего не понимаю?» – «Потому что в этих романах одно вранье, – сказал он. – А ты вранье от правды отличить не можешь, потому как тупой».

Конечно, я тупой, но зачем вам сочинять вранье? Так вы и про меня можете все наврать. Я очень из-за этого переживаю. Мне не просто грустно, даже какая-то злость разбирает.

В тюрьме я все время думал о вас. И плохих мыслей у меня не было. Потому что я думаю о том, что сделал, и мне хотелось попросить у вас прощения. И хотя мне кажется, что вы никогда меня не простите, я толком не могу понять – почему. И еще очень жалко, что вы стали взрослой и сочиняете непонятные романы. Теперь вы взрослая врунья, мне кажется.

Харада-сэнсэй, сказал, что я вышел из тюрьмы, искупив свою вину, но я точно не знаю, правильно он говорит или нет. А Карасава-сэнсэй, адвокат, наоборот ругается: мол, не очень-то ты каешься. Не знаю, почему, но, по-моему, я стал совсем тупой, еще хуже, чем раньше. Так что это мое письмо – последнее. Больше писать не буду, не волнуйтесь.

Простите за все. Хотя можете не прощать, я не против. Но я вас тоже не прощу, наверное. Будьте здоровы.

Кэндзи Абэкава

1

Послание Кэндзи прислали из издательства вместе с тремя письмами от моих читателей. Такие письма предварительно распечатывали в редакции – проверяли, нет ли в них угроз или не сунул ли кто в конверт бритвенное лезвие, – и только потом отправляли мне, но лишь письмо Кэндзи каким-то образом проскочило «цензуру». Дело, скорее всего, не в нерадивости редактора. Может статься, воля Кэндзи, его желание вступить со мной в контакт помогли его письму обойти чужие руки. Или же меня потихоньку исключают из категории «важных авторов», и потому редактор позволил себе относиться к своим обязанностям спустя рукава.

На конверте стоял адрес издательства. На оборотной стороне – штамп небольшого городка на побережье Японского моря и имя отправителя – Кэн Кумагаи. Почерк на конверте явно женский, видимо, его написала та добрая женщина, о которой упоминается в письме Кэндзи, да еще разрешила ему использовать свою фамилию. Письмо написано дешевой синей шариковой ручкой на листке обычной почтовой бумаги, которую можно купить в любом супермаркете. Письмена у Кэндзи получились корявые, спотыкающиеся, лишь нажим оказался необычайно сильным – следы от шарика так четко отпечатались на другой стороне листка, что создавали почти физическую иллюзию его присутствия. Несколько минут я сидела в растерянности, держа перед собой письмо.

Поразило меня не только то, что написал преступник: «Можете меня не прощать... Я вас тоже не прощу, наверное», – но и ощущение «жертвы», ожившее в памяти спустя двадцать пять лет. Такое живое и острое, что я почувствовала совсем близко, рядом, присутствие странного, подозрительного «чужака», грубо вторгающегося в мою жизнь. Объект этого вторжения – не сознание, а именно жизнь, моя плоть и кровь. Жизнь, которую я проживаю день за днем. Этот ход вещей вдруг кем-то нарушается, разлетается в щепки, и рождаются абсурд и страх, против моей воли делающие меня другой. Что касается сознания, оно по обыкновению невозмутимо включается потом, после резкой перемены в жизни, и служит тому, чтобы навести какой-то порядок в душе. Научить этому может лишь страшный личный опыт. Поэтому, даже говоря на эту тему, я не распространяюсь о том, чем все это может кончиться.

Я начала писать, стала писательницей и наглухо закрыла свою жизнь от посторонних. Не исключено, что в этом моем решении была неизбежность, единственный выбор, который мне оставался. Потому что писательство дает возможность жить, не оглядываясь ни на кого и ни на что, за счет того, что ты превращаешь себя в отточенное оружие, позволяющее глубоко проникнуть в предмет.

Но почему Кэндзи все равно, прощу я его или нет? И откуда у него мысль, что и ему меня прощать не надо? Причина в том, что я романистка, сочиняющая всякие небылицы? Я положила несколько раз перечитанное письмо на край стола и задумалась. Вокруг все изменилось от самого присутствия этого письма. Компьютер, картины, украшавшие стены, цветы на столе – все сразу утратило реальность, выцвело и поблекло. В комнату проникло чужеродное тело. Я перестала понимать, что за тип этот Кэндзи. Да и кто я сама такая – тоже.

Итак, я писательница, пишу романы под псевдонимом Наруми Коуми. Собственно, в письме об этом уже сказано. Мне тридцать пять. Мой дебют состоялся рано, в шестнадцать лет, в конце первого класса школы третьей ступени¹. Мою первую книжку – «В грязи» –

---

¹ В Японии действует трехступенчатая система школьного образования: первые шесть лет – начальная школа, три года – средняя школа и еще три года – средняя школа повышенной ступени. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

называли «шокирующим произведением, которое останется в истории литературы». Ее хвалили на все лады: как школьница сумела так достоверно и полно изобразить агрессивную, жестокую натуру молодого человека?! Всех поражало несоответствие между автором и текстом.

«Грязь» принесла мне известную литературную премию «Новые имена». После этого проблемные книги стали выходить одна за другой, и на меня посыпались многочисленные премии, накладывавшие слой за слоем ретушь на мое раннее сочинение. Меня называли «не по годам зрелым мастером», «изумительным талантом», мне пели дифирамбы, от которых сводило зубы. Так я прожила лет до двадцати пяти.

Столь блестящий дебют привлек ко мне всеобщее внимание. Для меня его оказалось слишком много, и я стала избегать чужого общества. Ведь из того, что мне довелось пережить, я хорошо знала, как скрываться от посторонних глаз. Постепенно меня записали в мизантропки и оставили в покое.

В университет я не пошла, близких друзей и любовников не завела, из дома почти не выходила. Жила как в тюремной одиночке, подобно Кэндзи. Тяга к одиночеству никуда не делась, у меня ни мужа, ни детей, ни собаки, ни кошки, ни даже птички, живу одна в квартире на окраине Токио, почти на границе с префектурой Сайтама.

Однако сейчас я самая обычная писательница; славословия в мой адрес кончились. Когда на меня был большой спрос, я могла на гонорары купить пару-тройку коттеджей, но теперь мой годовой доход не слишком отличается от того, сколько получают клерки, которые по утрам, ссутулившись, торопятся на станцию. Хотя, конечно, здесь и моя лень виновата. Став взрослой, я сама себе стала неинтересна. Получилось так, что меня задвинули в угол вместе со всей моей литературной известностью.

В лицо мне никто этого не говорит, но за спиной наверняка шепчутся, что я исписалась. Да, для литературных журналов я не пишу, ограничиваюсь очерками в журналы для женщин или издания, рекламирующие кредитные конторы. Надо же как-то на жизнь зарабатывать. Кэндзи упрекнул меня, что я сочиняю лживые романы, но романы я больше писать не могу.

При этой мысли я криво усмехнулась. Что ни говори, известие, что Кэндзи вышел из тюрьмы, и его письмо сразили меня наповал. Прошрое, которое, как я думала, безвозвратно осталось позади, вернулось ко мне в другом виде и тихо вздыхает за спиной. Прошло двадцать пять лет. Почему же мне хочется утаить то, что случилось тогда? Нет, есть вопросы и поважнее. С чего меня потянуло писать романы? И что за человек Кэндзи?

Сколько я ни думала над этим, ни к какому заключению так и не пришла. Сегодняшние представления не служат продолжением выводов, сделанных вчера, и не могут проложить дорогу к выводам, которые будут сделаны завтра. Пустые, бесполезные мысли, которые, закручиваясь в спираль, терзают меня, вызывают ассоциацию с переменчивым ветром, уносящим неведомо куда поднявшуюся пыль. Я вдруг вспомнила спиральки металлической стружки в цеху, где работал Кэндзи. Четверть века прошло. А вдруг его письмо – знак того, что пришло время перенести эти мысли и воспоминания на бумагу? Быть может, это будет последняя история человека, разучившегося писать истории.

Хочу сразу предупредить, что это будет не роман. Воспоминания – что произошло со мной двадцать пять лет назад, и раздумья – о себе, о том, какой я стала после этого. Ведь не задумавшись о собственной судьбе, которую перевернул Кэндзи, как задумался он о том, что совершил, невозможно остановить спираль мыслей, стремящуюся раскрутиться до самого неба, как росток в сказке про Джека, проклюнувшийся из бобового зерна.

То, что случилось тогда со мной, – серьезное преступление. Никаких сомнений. Это надо четко понимать. Двадцатипятилетний рабочий по имени Кэндзи Абэкава похитил меня, когда мне было десять лет, и целый год продержал у себя дома. За Кэндзи числились и другие

преступления, поэтому после психиатрической экспертизы суд не стал с ним церемониться – дали пожизненное заключение.

Почему его вдруг выпустили – непонятно. Так или иначе, факт остается фактом: сейчас Кэндзи – под домашним арестом или как там еще бывает, живет в каком-то городке. Мне известно не больше, чем писала об этом случае пресса. Что произошло на самом деле, так никто и не узнал.

Я не рассказывала об этом ни полиции, ни родителям, ни врачам в психиатрической клинике. Если ребенком я не сказала правды, чтобы не прослыть лгуньей, то что теперь делать писательнице, которую Кэндзи упрекнул во лжи?

Дальше я собираюсь писать правду, и меня утешает только одно: даже если я умру, этот текст останется в моем компьютере, не доступный чужому глазу.

Не скажу, что у меня осталось много счастливых воспоминаний о детстве. Кто-то, наверное, проницательно заметит, что из-за того самого случая у меня искаженный взгляд на жизнь. Но ведь вся жизнь ребенка проходит как бы в полумраке, в тени, отбрасываемой взрослыми. И окружавшие меня взрослые о моем счастье не заботились.

Я родилась и выросла в городе М., от которого минут тридцать на электричке до Z., административного центра одноименной префектуры. Наш город очень живописный, он лежит у подножия знаменитой горы Y. Население – сто пятьдесят тысяч. С сельским хозяйством здесь не очень хорошо – в почве много вулканического пепла, – зато эти места издавна славятся крученой шелковой пряжей, благо воды для производства достаточно: по городу протекает полноводная река T., – и еще своим шелковым рынком. Может, из-за этого у местных жителей такая сильная коммерческая жилка – своего никогда не упустят. После того, как шелководство пришло в упадок, удалось привлечь производителей текстиля, электроники, пищевых продуктов, и город выжил – здесь вырос целый промышленный район.

Вместе с фабриками в город пришли новые люди. Для тех, кто занимался старинным ремеслом, кто давно жил в городе и им гордился, пришельцы, сколько бы времени ни прошло, все равно оставались чужаками. Многие относились к ним с подозрением: понаехали бог знает откуда, преступность с собой привезли, так глядишь – скоро городу конец. Город разделился на две части – старожилов и пришельцев. М., который, по идее, должен был превратиться в новый промышленный центр, на деле оставался старомодным провинциальным поселением. Вот где я родилась и воспитывалась. Вместе с наводнившими город фабричными рабочими, то есть чужаками.

Наш дом стоял на берегу реки T., протекавшей в северной части города. Отец на стареньком авто ездил на работу в город K., расположенный на другом берегу. Там большая пищевая фабрика. В этом городке жило тысяч пятьдесят; кроме отцовской фабрики – только металлообрабатывающий цех да коммунальное хозяйство. В общем, довольно бестолковое местечко. Крупные фабрики – электроника, лесопереработка и так далее – сосредоточены в M., а в K. только субподрядная мелочь. Выходит, предприятия тоже разделились. В K. все было наперекосах, бестолково, и нравами местная публика отличалась диковатыми.

К появившимся в городе крупным фабрикам старожилы M. еще как-то привыкли, а вот к жителям K. относились откровенно холодно. Стоило человеку сказать, что он родом из K., как на него тут же сыпались грубые насмешки. И все дело в том, что, кроме мелких коммунальных объектов, в этом городке было еще кое-что, а именно: немалое количество увеселительных заведений, где мог оттянуться рабочий класс, целый «веселый» квартал. Кабаре, дома свиданий, кабаки и пивные. K. помимо прочего был городом тяжелого труда и удовольствий, населенным огрубевшими пролетариями и «ночными бабочками», слетавшими туда со всей страны, чтобы вытрясти из пролетариев денежки.

В K. мне хода не было – родители запрещали. И все же один раз я побывала там с отцом.